

ПЛАТОНОВСКИЙ ИДЕАЛИЗМ И ЭВОЛЮЦИОННАЯ ТЕОРИЯ ПОЗНАНИЯ К. ЛОРЕНЦА

Можно без преувеличения сказать, что идеи и положения платонизма оказали существенное влияние на большинство, если не на все последующие философские теории и системы, как идеалистические, так и материалистические. Определенный отпечаток платоновский идеализм оставил и на современной эволюционной теории познания, основы которой разработали выдающиеся мыслители Западной Европы XIX столетия, в первую очередь К. Лоренц и К. Поппер.

В данном случае ставится задача *рассмотреть отношение Лоренца как одного из создателей эволюционной эпистемологии к основополагающим идеям философии Платона*. В своих работах Лоренц рассматривал платоновский идеализм как систему, которая на протяжении многих сотен лет препятствовала натуралистическому (эволюционно-биологическому) исследованию человеческого духа, а вместе с ним и познания. Кроме того, он высказал свои суждения о «корнях» идеализма платоновского типа, заключенных в исторических этапах становления человека и человечества.

Отношение Лоренца к платонизму определило и особенности влияния идей античного философа на лоренцевскую теорию. В данном случае интрига заключается в двух обстоятельствах. *Первое обстоятельство* состоит в том, что необходимо соотнести платоновский идеализм с основными положениями и идеями эволюционной эпистемологии, которая по своей сути является *материалистической*. *Второе обстоятельство* заключается в том, что идеализм Платона — это *сугубо философская* система классического типа, созданная задолго до развития частных наук вообще и естественных наук в частности. Незрелость частных наук предопределила умозрительный характер платоновского идеализма. Современная эволюционная теория познания в целом (в том числе ее лоренцевский вариант) носит явно выраженный *междисциплинарный характер*, что, в свою очередь, определяет сложное переплетение в ней философских и частнонаучных аспектов. Соответственно активное использование в ней результатов всего комплекса современных наук привело к преодолению умозрительного характера эпистемологии, присущего классической философии, в том числе и платоновскому идеализму.

Прежде чем зафиксировать и проанализировать особенности отношения Лоренца к платоновскому идеализму, сущность и основные положения которого хорошо известны, имеет смысл представить здесь эволюционную теорию познания Лоренца, пусть и в схематическом виде.

Эволюционная эпистемология Лоренца — важнейшая часть более обширной современной теории познания, которая имеет ряд отличительных признаков (по сравнению с иными, многочисленными теориями познания). *Первый признак* — это применение методологии эволюционизма дарвинистского и неodarвинистского типов для анализа познания и его становления в онтогенезе и филогенезе животных и человека. *Второй признак* состоит в использовании для этого анализа терминологии, предложенной и разработанной в дарвинизме («эволюция», «естественный отбор», «приспособление», «адаптация» и т. п.). Наконец, *третий признак* — это трактовка человеческого духа, познания животных и человека как процесса и результата органической и социальной эволюции.

С учетом того, что все эволюционные приобретения живых организмов в дарвинизме рассматриваются как их адаптации к окружающим средам, как факторы их выживания в этих средах, познание в указанной теории трактуется подобным образом. Точнее говоря, познание понимается как процесс, фактор, условие, а также результат эволюции, главным образом органической. Вместе с таким пониманием познания переосмысливается и сама органическая эволюция: она рассматривается как процесс познания.

Итак, современная эволюционная теория познания приходит как бы к двум формулам: «*познание* — это форма, фактор и результат эволюции», а «*эволюция* — это форма и результат познания».

Хотя эволюционная теория познания имеет большое число предшественников и множество предпосылок в науке и философии, тем не менее авторитетное место в системе современного знания она заняла лишь после опубликования двух основополагающих книг: «Объективное познание. Эволюционный подход» (K. R. Popper. «Objective knowledge. An evolutionary approach». Oxford, 1972) и «Оборотная сторона зеркала» (K. Lorenz. «Die Rückseite des Spiegels. Versuch einer Naturgeschichte menschlichen Erkennens». München; Zurich, 1973).

Конрад Лоренц (1903–1989) — австрийский ученый, лауреат Нобелевской премии, присужденной ему за создание науки о поведении животных — этологии (1973), выдающийся мыслитель. Именно этология явилась важнейшей теоретической и методологической предпосылкой и базисом разработанной им впоследствии эволюционной теории познания. Основные положения этой теории были изложены в

ряде работ как собственно эпистемологического, так и этологического и общепсихологического плана¹.

В данном случае, т. е. в ходе анализа отношения платоновского идеализма и эволюционной теории познания Лоренца, внимание будет сосредоточено на трех источниках. Это два выступления ученого в 1972/73 г. в Мангейме, в Обществе науки, искусства и образования Гумбольдта, и в Гейдельберге, в Университете Ордена достоинства наук и искусств. Имея одну и ту же тематику, они были опубликованы под одним и тем же названием — «Die naturwissenschaft vom menschlichen Geiste» («Естествознание о человеческом духе»). Третий источник — ключевая для системы эволюционно-эпистемологических идей Лоренца уже упоминавшаяся книга «Оборотная сторона зеркала».

Сходство тематики и названий выступлений Лоренца, разумеется, не было случайным. Достаточно напомнить, что непосредственно в период этих выступлений и в ходе их подготовки Лоренц работал над «Оборотной стороной зеркала». Высказанные им в названных выступлениях идеи были сходными между собой и одновременно сквозными для большей части его научно-философского творчества, в том числе и для эволюционной теории познания.

Как явствует из названия выступлений, их пафос заключался в стремлении решить методологические проблемы, касающиеся общего понимания человеческого духа, а вместе с ним и познания. В них речь шла главным образом о возможностях и границах применения достижений естествознания, естественнонаучных методов в исследовании этих явлений.

Заявленная тема выступлений Лоренца — о естественнонаучном подходе к духовным явлениям — по его собственному признанию, могла быть расценена многими естествоиспытателями как *провокацион-*

¹См., напр.: *Lorenz K.*: 1) Kants Lehre von Apriorischen im Lichte gegenwärtiger Biologie // Blätter für deutlicher Philosophie. Bd 15. Berlin, 1941; 2) Die angeboren Formen möglicher Erfahrung // Zeitschrift für Tierpsychologie. Bd 5. Berlin, 1943; 3) Die Naturwissenschaft vom menschlichen Geiste // Orden pour le Merite für wissenschaften und Künste. Reden und Gedenkworte. Bd 11. 1972/73. Heidelberg, 1973; 4) Die Naturwissenschaft vom menschlichen Geiste // Mitteilungen d. Humboldt-Gesellschaft. Bd 5. 1972/73. S. 117–127; 5) Die Rückseite des Spiegels. Versuch einer Naturgeschichte menschlichen Erkennens. München; Zürich, 1973 (русск. пер.: *Лоренц К.* Оборотная сторона зеркала. М., 1998. С. 244–458); 6) Evolution und Apriori // Die Evolutionäre Erkenntnistheorie-Bedingungen-Lösungen-Kontroversen. Berlin; Hamburg, 1987. S. 13–18. (русск. пер.: *Лоренц К.* Эволюция и априори // Вестн. Моск. ун-та. 1991. № 5. С. 11–17); *Lorenz K., Kreuzer F.* Leben ist Lernen. Von Immanuel Kant zu Konrad Lorenz. Ein Gespräch über das Lebenswerk des Nobelpreisträgers. München; Zürich, 1988; *Lorenz K.* Die Naturwissenschaft vom Menschen. Eine Einführung in die vergleichende Verhaltensforschung. Das «Russische Manuskript» (1944–1948). München; Zürich, 1992, и др.

ная. Отмечая это обстоятельство, он высказал надежду на то, что именно в Университете Ордена достоинства наук и искусств и в Обществе Гумбольдта может быть восстановлена справедливость в этом отношении.

Основную причину недоверчивого или даже отрицательного отношения философов к возможностям естествознания в исследовании явлений духа и души, познавательной деятельности (или даже полного отрицания этих возможностей) Лоренц увидел прежде всего в особенностях интеллектуальной обстановки Германии на протяжении последнего столетия. Воспроизведем лоренцевскую оценку ситуации.

Лоренц указал на то, что мировоззрение многих ученых Гейдельберга — города, в котором он выступал, формировалось в атмосфере влияния главным образом немецкого идеализма, который является *наследником платоновского идеализма*. Влияние идеализма на ученых было обусловлено тем, что профессором университета в этом городе с 1816 г. и до конца жизни, т. е. до 1818 г., был Гегель. Кроме того, влиятельным оставалось и кантианство, в частности, идеи Канта о том, что ценности существуют только в интеллигибельном мире, а мир вещей, внешний мир, не только принципиально не познаваем, но и не интересен по своему существу, поскольку не содержит в себе ценностей.

В связи с этим Лоренц отметил один весьма интересный историко-научный факт. Дело в том, что, по его мнению, существует ряд вещей, которые люди, ученые в частности, не объясняют, а главное, и не хотят объяснять. Так, виталистические позиции таких выдающихся ученых современности, как Дриш и Юкскюль, якобы коренятся в страхе перед следствием познания природы: природа может быть обесценена в том случае, если будет объяснена.

Кроме того, у естествоиспытателей, полагал Лоренц, нередко существуют так называемые «слепые места» для вещей, которые они не хотят принимать в качестве объектов познания. Так, только предположением, а не знанием в подлинном смысле слова является вера ученого в единство и объясняемость (познаваемость) мира, которая необходима для того, чтобы исследования могли проводиться.

Лоренц противопоставил такого рода позициям иные взгляды. Как естествоиспытатель он высказал твердое убеждение в том, что мир единствен и для него не является необходимостью существование Бога, творящего чудеса. Мир — это логос, он развивается по естественным законам, и, по его убеждению, в нем нет места чудесам.

Согласно Лоренцу, ситуация с принципиальными позициями относительно сущности, возможностей и пределов познания мира и человека такова, что существует широкий спектр мнений философского плана. На границах этого спектра находятся экстремумы: *на одной*

границе — платоновское пренебрежение ко всему реальному миру и, следовательно, преувеличенное внимание к идеальной сфере (идеализм), на противоположной границе — наоборот, принижение идеального и возвышение материального (материализм).

При этом Лоренц специально выделил то, что он назвал вульгарным «отростком» материализма, или *онтологическим редукционизмом*, сославшись на высказывание своего друга и учителя Дж. Хаксли о том, что вульгарно-материалистическое понимание природы и человека включает особый принцип — принцип «ничего более». Указанное выражение означает, что вульгарные материалисты не допускают существования ничего того, что бы существовало сверх вещественного, телесного мира, т. е. автономных сфер душевного и духовного миров.

В связи с выявленными философско-методологическими позициями — материализмом и идеализмом — Лоренц привел два имеющих место в естествознании определения феноменов «жизнь» и «человек». Определение жизни заключается в том, что все явления (события, процессы) жизни — это только химико-физические явления. Второе утверждение состоит в том, что человек — только животное, только голая обезьяна или только компьютер с плохой программой и т. п. Оба эти высказывания были названы австрийским ученым типичными примерами онтологического редукционизма — вульгарного материализма.

В выступлениях Лоренца было указано еще на две позиции в сфере науки и философии, имеющие значение для исследования познания в его эволюции, — позицию *наивного реалиста* и *позицию идеалиста*.

Наивный реалист смотрит только вовне, на внешний мир и не осознает того, что существует некое «зеркало», «фотографический аппарат», который «фотографирует», т. е. отображает этот внешний мир.

Идеалист смотрит только в «зеркало» и может видеть лишь посредством своего взгляда то, что еще один реальный мир существует, а также то, что «зеркало», в которое он смотрит, имеет еще одну, не отраженную сторону. Он ставит это «зеркало» в один ряд с категориями, фиксирующими отраженные вещи, вещи внешнего мира.

Цель своего выступления в Обществе Гумбольдта Лоренц видел в решении двух задач. С одной стороны, он был настроен на борьбу с вульгарным редукционизмом, сторонники которого сводят человеческий дух, человеческое познание к физико-химическим структурам и процессам. Точнее говоря, и самое важное, редукционисты сводят дух и познание *только* к этим структурам и процессам. С другой стороны, Лоренц настраивался и на борьбу с другой крайностью — пониманием духа как некоего чуда, результата божественного деяния или особого мира гипостазированных идей (как в платонизме), взятых без уяс-

нения «момента» их возникновения и генезиса в онтогенетическом и филогенетическом развитии человека.

Лоренц считал, что все естествоиспытатели (и он сам в том числе) в определенном смысле являются редуccionистами. Вкладываемый им в понятие редуccionизма смысл был своеобразным аргументом в защиту такого признания. Представители естественных наук понимают то, что их объяснение естественных явлений строится на основе обращения к всеобщим законам природы, структурам, в рамках которых эти законы функционируют. Иначе говоря, редуccionизм в этом смысле присутствует практически во всех естественнонаучных теориях, в которых объяснение какого-либо явления происходит путем его включения в более обширные системы — локальные природные структуры, и в конечном счете, — в крупномасштабную структуру природы в целом. Если сказанное справедливо, то оно относится и к натуралистическому объяснению познавательных явлений. Они должны быть включены в более обширные природные системы как их элементы.

Лоренц подтвердил, что он так же, как и многие ученые, рассматривает все явления жизни в качестве физико-химических явлений. Если это так, то необходимо признать, что все живое нуждается в энергии и присвоение энергии — это функция живых структур.

Вместе с тем он считал, что такое понимание живого нуждается в коррекции. Его коррекция заключалась в весьма важном для эволюционной эпистемологии утверждении, вошедшем и в книгу «Оборотная сторона зеркала»: *явления жизни — это прежде всего познавательные (когнитивные) явления*. Жизнь (живая система) приобретает информацию о внешнем мире каждый раз в некотором исторически неповторимом случае.

В указанных выступлениях (в Мангейме и Гейдельберге) Лоренц обращался к весьма значимому в эволюционистских теориях слову «развитие», которое нередко употребляется в выражении «жизнь развивается». Он считал, что в применении к жизни это слово неправомерно. А если оно и применяется, то это происходит из-за отсутствия в западноевропейских языках более точного слова для фиксации сущности жизни и для момента порождения нового.

По Лоренцу, «жизнь творит». Для выражения этого факта невозможно использовать слово «развитие», поскольку оно в своей основе заключает идею, согласно которой развивается («раскручивается») нечто такое, что уже существовало или существует в настоящий момент. Подобный смысл имеет и слово «эволюция», т. е. «развертывание» чего-либо. Для того чтобы выйти из этого затруднительного положения, Лоренц вслед за рядом ученых и философов (в частности,

Тейяром де Шарденом) предложил пользоваться популярным словом «эмерженция» (Emergenz).

Для понимания истории жизни понятие «развитие» имеет особое следствие. Великий эволюционный успех возникает в том случае, если, во-первых, две системы, прежде существовавшие автономно друг от друга, объединяются и начинают функционировать как единое целое и если, во-вторых, при этом возникают такие свойства, которые невозможно было предсказать из анализа прежних систем. И тогда, по убеждению Лоренца, неверно утверждение о том, что все уже случилось или существовало. Наоборот, все, что происходило и происходит в мире, — все является в принципе новым, качественно новым. Жизнь, точнее, каждое явление жизни, происходит только один раз. Каждая живая система — явление уникальное.

Лоренц полагал, что в ответ на вопрос о том, что существенно для такого явления, как жизнь, можно дать достаточно точный ответ на основе старой теории органической эволюции Дарвина и одновременно — на основе новейших результатов биохимии.

Жизнь — это явления, в которых посредством реплицируемых структур аккумулируется и сохраняется информация. А это уже нечто иное по сравнению с теми определениями жизни, в которых она считается только химико-физическим явлением. Разделяя эту позицию, полагал Лоренц, можно защищаться от утверждений такого выдающегося ученого, как Крик, содержащихся в его книге «Молекулы и гены»: «Вся биология может считаться достаточно простым приложением к физике» или «достаточно простым расширением физики».

Таким образом, спасение от редукционизма в понимании жизни (и отождествленного с ней познания) Лоренц видел в ассимиляции биологией результатов исследований в новейших отраслях науки, в частности, в таких ее интердисциплинарных сферах, как теория информации.

Нечто сходное, как и в случае с сущностью жизни, происходит и во втором случае, когда мы формулируем для себя гердеровский вопрос: чего недостает человекоподобным животным, обезьянам, для того, чтобы они были людьми? Что является величайшим отличием, которое отделяет людей от всех остальных живых существ? Не является ли этим отличием «дух», рассматриваемый в эволюционной теории познания (в отличие от платонизма) с естественнонаучной точки зрения?

Для того, чтобы решить эти принципиальные мировоззренческие проблемы (не уступающие по значимости вопросу о сущности жизни), Лоренц сформулировал новые вопросы: как явления жизни «собирают» информацию; где она хранится, где и как испытывается?

Лоренц обратил внимание на один факт, объединяющий все живые

организмы: существенные процессы получения и аккумуляции знаний в сложных системах этих организмов основываются на сходных процессах, а именно на информационных процессах, происходящих в двойной спирали цепочки молекул — в геноме.

На том этапе эволюции жизни, на котором возникает человек, «умнейшее животное» (Лоренц), указанного понимания жизни недостаточно. Причина этой недостаточности заключается в том, что на данном этапе появляются новые по сравнению с физико-химическими и генетическими способы аккумуляции и сохранения информации (совокупности знаний) — *общественные традиции*. По поводу этого Лоренц с юмором отметил, что у близких родственников шимпанзе — людей, возникают конкурирующие с геномом способы сбора информации и знаний. Конкуренцию геному составили понятийное мышление и словесная речь, которые, как представляется, и гипостазировал в свое время Платон.

Однако если признать вслед за австрийским ученым специфику познавательного отношения к миру человека, по сравнению с отношением его зоологических предшественников, то возникает не менее сложная, чем вопрос о происхождении живого, проблема о возникновении новых способов трансляции информации — общественных традиций.

Лоренц полагал, что общественные традиции возникают в результате некоторых сложных процессов интеграции различных достижений, которые до своей интеграции в новое функциональное единство уже существовали по отдельности.

В качестве примера приводятся результаты зоопсихологических и этологических наблюдений. Так, у животных можно обнаружить исследовательские формы поведения, некое подобие традиций, некоторые способы восприятия пространства, некоторые элементы абстрактного мышления. У человека же все разрозненные способности и действия подобного рода приводятся к некоторой функции, которую мы считаем понятийным мышлением. Таким образом, абстрактные идеи оказываются, согласно эволюционно-эпистемологическим взглядам, укорененными в предшествующих человеку этапам филогенеза. Такая трактовка подрывает самую основу идеализма: лишает идеи их вневременности, завершенности, самостоятельности, наконец, первичности.

Несмотря на многочисленные попытки прояснить истоки собственного человеческого постижения мира, на сегодняшний день они остаются не проясненными. Все-таки, считал Лоренц, мы не знаем, как генетически словесная речь относится к понятийному мышлению. При этом он ссылаясь на Н. Хомского, признававшего, что структуры нашего языка и нашей языковой логики являются врожденными у всех людей. Он

имел в виду то, что эти структуры идентичны логике мышления, первичны по отношению к понятийному мышлению и, следовательно, не порождены коммуникациями. Они возникают внезапно, вместе с появлением человека, именно как возможность, некая потенция, как иной, по сравнению с геномом, способ аккумуляции информации.

У живых организмов на дочеловеческих уровнях существовала только одна возможность сохранить информацию — скопировать ее на молекулярном уровне. У наших ближайших предшественников, в частности у существа из Олдувая, уже имелась иная способность, именно способность к языковой символике. Благодаря этой символике стала возможной передача того, что испытал (или того, что знает) один субъект другому субъекту при помощи таких средств, которые позволяют знать другому субъекту то, что знает первый субъект. Знания с этого времени стали копироваться от мозга одного существа к мозгу другого существа непосредственно, а не с помощью только ДНК. Тем самым возникает что-то, чего не было в органической природе. Это новое — передача по наследству приобретенных свойств, передача знаний не только на генетико-биологическом уровне (от старых людей к молодым), но и «от тебя ко мне», «от меня к тебе».

В результате нового способа передачи информации возникает новая, отсутствующая на дочеловеческих уровнях, общность: единство знаний, умений и единство волений. Такого рода общность знаний людей Лоренц отождествил с тем, что Н. Гартман в своей знаменитой теории «иерархии слоев» назвал «объективированным духом». Вполне возможно, что эту общность можно отождествить также с миром идей Платона.

Отмежевываясь от библейского объяснения духа, австрийский исследователь отметил, что для естествоиспытателей недопустимо, чтобы дух, возникший указанным ими способом, «витал над водами», как об этом сказано в Книге Бытия.

Дух, понятый как кумуляция знаний, умений, волений множества поколений людей — человечества, подробно и точно «записан» в природных и искусственных структурах. В частности, он «записан» в природных образованиях — нервных системах, в синапсах человеческого мозга, а также в искусственных системах — в бронзе и мраморе скульптур, на пергаменте, бумаге и других материальных структурах, словом — в порожденной человечеством культуре.

Лоренц определил культуру как способность аккумуляции традиционных знаний, причем основой для такого рода кумуляционной способности являются понятийное мышление и словесная речь людей.

Таким образом, следует признать существование двух великих ступеней и, соответственно, двух скачков в истории природы. Первый

скачок — от неорганического мира к органическому, а второй — от существ, которые только копируют посредством генома (генетически передают информацию), к существам, которые копируют и передают информацию посредством так называемых «мозговых знаний».

С биологической, чисто материалистической позиции различие между высшими животными и людьми, как бездуховными и духовными существами, является примерно тем, для обозначения чего Н. Гартман ввел термин «хиатус». Этот «разрыв» по степени сложности своего осуществления, степени своей значимости для развития мира, по трудности объяснения находится в одном ряду с «разрывом» между неорганическим и органическим мирами. Заметим, Платон не ставил вопросы об указанных «разрывах» и, тем более, о возможности и способах их объяснения и преодоления.

Лоренц отметил, что все естествоиспытатели, в том числе и исследователи поведения, обычно недооценивали различия между животным и человеком. Находясь на позиции, предложенной Лоренцем, невозможно не увидеть, как фактически велико это различие.

Все, что было сказано в выступлениях Лоренца о духе, человеческом познании и приведшей к ней эволюции, звучало, по его собственному признанию, как *гимн человеческому духу и познанию*. Другими словами, истинное возвышение духа происходит не тогда, когда он отрывается от природного (земного) мира (как в системе Платона), а наоборот, когда он включается в этот мир, когда осознается укорененность духа в природе (как в эволюционной эпистемологии).

Но возвышенное понимание духа, признание его качественного отличия от животных форм отношения к миру, от животных форм сбора, переработки, хранения и передачи информации не исключает еще одного, возможно, принижающего его факта. Нельзя забывать, что дух как *человеческий дух* может быть не только нормальным, здоровым, но и *больным*. По мнению Лоренца, выражение «болезнь духа» порождает в науках о духе противоречие: как может быть больным сверхприродное или даже противоположное природе? Действительную болезнь духа некоторой культуры Лоренц назвал массовым заблуждением.

Второй пример болезни духа, как считал Лоренц, заключается в следующем. Человеческая культура имеет в высшей степени опасную особенность — все быстрее и быстрее изменяться. Эта особенность — следствие накопленной и переданной по наследству совокупности приобретенных свойств. Кумуляция и переработка знаний, особенно в последнее время, происходит чрезвычайно быстро. Традиционные же, прочно закрепленные нормы поведения не могут быть так же быстро изменены, как и знания. Это обстоятельство, т. е. неравномерность ро-

ста информации и изменений средств манипулирования ею, ведет к глубокому внутреннему противоречию культуры.

Дело в том, что на ранних этапах существования человечества трещина между поколениями была маленькой, но постепенно она расширялась. В настоящее время, по убеждению Лоренца, множество традиционных норм, которые должны быть переданы от одного поколения к другому, увеличилось до такой степени, что наступил критический момент. Расстояние между поколениями так велико, что молодежь утрачивает важнейшие традиции, которые считает устаревшими. Эти традиции по большей части, несомненно, должны быть сохранены для того, чтобы продолжала существовать культура, чтобы она не исчезла вовсе.

Возвращаясь к лоренцевской метафоре для обозначения естественного аппарата познания мира — метафоре «зеркала», можно сказать, что длительное время никто не чувствовал ответственности за то, что это «зеркало» нуждалось в репарации в тех случаях, когда прекращало функционировать. Более того, никто не заботился о функционировании «зеркала» — «аппарата познания» вообще. Если же поставить цель преодолеть такое положение, т. е. усовершенствовать средства познания и саму познавательную деятельность, то, по убеждению австрийского ученого, обязательно надо сделать дух предметом не только гуманитарных, социокультурных и философских наук, но и естествознания.

Итак, в своих выступлениях начала 1970-х гг. «Естествознание о человеческом духе» Лоренц рассматривал методологические проблемы исследования духа, а вместе с ним и человеческого познания. Он подчеркнул длительное влияние идеализма платоновского типа на характер осмысления указанных явлений, проявившееся в том, что в этом осмыслении не использовались результаты естественнонаучных исследований.

Главной целью Лоренца было обоснование возможности и правомерности естественнонаучного подхода к ним. При этом возникала проблема идеализма, редукционизма, натурализма в их отношении к эволюционной теории познания. Обе эти проблемы связаны с общими философскими позициями, касающимися сущности материального и идеального, их взаимоотношения, возможностей их изучения.

Лоренц исходил из своего убеждения в том, что жизнь (органические процессы в живых системах) — это и есть познание. А жизнь и познание, в свою очередь, отождествлялись с информационными процессами: усвоением, кумуляцией, хранением и трансляцией информации.

Важным является то, что, обосновывая правомерность натурали-

стических подходов к познанию, рассматривая последнее в первую очередь как природное явление, Лоренц в своих выступлениях затрагивал и его весьма значимые социальные аспекты. В частности, речь шла о традициях как о способах сбора, сохранения и трансляции информации, т. е. знаний, умений и волений людей. Особенность передачи традиций в человеческом обществе составляет то, что она осуществляется в процессе коммуникаций. Следовательно, передача традиций связана с понятийным мышлением и словесной речью людей.

Важным этапом самоопределения философско-методологической позиции Лоренца в процессе разработки им эволюционной теории познания стал его анализ отношения эволюционного подхода к познанию и идеализма в книге «Оборотная сторона зеркала». При этом характерно уже само название соответствующего фрагмента этой книги «*Идеализм как препятствие для исследования*».

Лоренц отличал прежде всего критический, или трансцендентальный, идеализм Канта от всех видов идеализма некантовского типа, в число которых входит и платонизм.

Идеализм, кроме кантовского, нередко провозглашает то, что внешний мир существует как предмет возможного опыта и зависит от познания его каким-либо субъектом, в том числе и человеком.

Лоренц противопоставил позицию человека, «связанного с природой», — крестьянина или естествоиспытателя (биолога) с *идеализмом платоновского толка*. Он подчеркнул, что стоящий на эволюционистской позиции ученый не может не быть твердо убежденным в реальности внешнего мира. И, говоря его словами, нелепым и кощунственным будет казаться мнение, согласно которому все великое, быть может, бесконечное, получает реальность лишь оттого, что человек, однодневный мотылек, кое-что из этого замечает².

Лоренцу было непонятно, как возможно длительное, в течение многих столетий, существование платоновско-идеалистической установки, в которой отношение между мирами — реальным и феноменальным — вывернуто наизнанку. Более того, эта же установка внедрилась и в сознание ряда современных немецких мыслителей.

Австрийский ученый провел достаточно глубокий анализ «корней» идеализма. В частности, он увидел истоки идеализма платоновской разновидности в существенной характеристике человека, отличающей его от всех иных живых существ, — в его способности к рефлексии, точнее, к саморефлексии, к самопознанию. «Открытие собственного Я — начало рефлексии — должно было быть, — по его мнению, — потрясающим событием в истории человеческого мышления»³.

² Лоренц К. Оборотная сторона зеркала. С. 256.

³ Там же.

Самопознание человека и формирующееся на его основе самосознание подводит к обратному, по сравнению с идеализмом, выводу о том, что не внешний мир есть отражение и порождение субъективного мира, а сам человек с его субъективным миром — это «зеркало», в котором отражается действительность. Именно самосознание — «зеркало» — как высокий уровень интеграции всех познавательных возможностей и способностей человека обуславливает совершенствование этих возможностей и способностей по отдельности.

Высоко оценивая открытие рефлексии, ее величайшее значение в истории духа, Лоренц совершенно справедливо усмотрел и ее противоречивость, выразившуюся в появлении сомнения в реальности внешнего мира. Иначе говоря, если бы не было самосознания, самопознания, т.е. утверждения субъектом самого себя в качестве подлинной реальности, если не было бы рефлексии, то не было бы и сомнения во внешней по отношению к ней действительности. И тогда если идеальный мир в идеализме трактуется в качестве истинной, абсолютной реальности, то материальный мир — это реальность, которую можно поставить под сомнение. Именно этим отличается человеческое познание, включающее в себя сомнение, от «бездумного животного» реализма (Лоренц). Возникшие сомнения в действительности внешнего мира побуждают человека отвернуться от внешнего мира и сосредоточить внимание исключительно на открытом им собственном внутреннем мире.

Из открытия самосознания, самопознания и рефлексии Лоренц выводил не только идеализм, но и саму науку о познании (то, что впоследствии было названо теорией познания) — науку о человеческом субъекте, закономерностях его созерцания, мышления и чувствования.

В возникновении теории познания он усмотрел и предпосылку идеализма. Дело в том, что в этой науке первенство отдавалось перечисленным процессам как функциям человеческого аппарата отображения мира. И, как следствие этого, образ и действительность поменялись местами: действительностью стали считать образы вещей, нарисованные нашим «воспринимающим аппаратом», а подлинными вещи — несовершенными и преходящими «теньями» совершенных и преходящих идей. Такое парадоксальное «перевертывание» отношения, по мнению Лоренца, укоренено в антропоморфном понимании творчества.

Итак, доверие к внутреннему опыту и недоверие к внешнему, возникшее вместе с появлением человеческого самосознания, сохранившееся до настоящего времени, имело еще одно следствие (помимо возникновения и укоренения идеализма) — разделение естественных и гуманитарных наук. Это разделение, выполнившее в определенном смы-

сле и на определенных этапах развития познания свои положительные функции, должно быть преодолено и реально преодолевается.

Лоренц увидел попытку такого преодоления в гештальт-психологии (но без использования теории эволюции), затем — у М. Планка, который был в числе первых естествоиспытателей, прокладывавших дорогу от физики к теории познания. Затем это дело продолжили К. Поппер, Д. Т. Кэмпбелл, В. Р. Корти, в концепциях, соответственно, «объективного знания», «эволюционной эпистемологии», «генетической философии».

Замысел книги Лоренца «Оборотная сторона зеркала» возник в результате осмысления им познавательной ситуации, сложившейся в самой теории познания. Речь идет о том, что до сих пор ней существует двойственность. С одной стороны, материалистически мыслящие реалисты обращены к внешнему миру, не сознавая того, что этот мир — «зеркало», в котором отражаются (воплощаются) человеческие идеи. Идеалист, наоборот, отворачивается от внешнего мира и занимается только «зеркалом», смотрит в него. Для того чтобы преодолеть эту двойственность, крайности обеих позиций, Лоренц настраивался на исследование «оборотной стороны зеркала» как реальности, стоящей в одном ряду с внешними вещами, т. е. с тем, что она отражает. Важно, что *это «зеркало», т. е. так называемый познавательный аппарат человека или животного, само является фрагментом объективного мира.* Таким образом, в своем исследовании он исходил из основополагающего материалистического положения о том, что физиологический аппарат, функция которого состоит в познании внешнего мира, не менее реален (материален), чем этот мир⁴.

Подводя итоги проведенному анализу некоторых граней отношения платоновского идеализма и современной эволюционной теории познания, можно отметить следующее.

Конрад Лоренц — основоположник современной эволюционной теории познания, поставив перед собой задачу обосновать возможность и необходимость естественнонаучного подхода к человеческому духу и познанию, указал на идеализм платоновского типа как на препятствие к осуществлению такого подхода.

Понимание духовного мира в платонизме как возвышенного, первичного по отношению к земному миру не позволяло ставить вопрос о его природных истоках. Другими словами, земной мир, по Платону, имеет свои истоки в духовном мире, т. е. в мире идей. Природа тогда не может рассматриваться в качестве основы духа и познания. Кроме того, гипостазированные идеи античного философа совершенны, существуют в готовом виде и не претерпевают поэтапной эволюции в

⁴Там же. С. 260.

онтогенезе и филогенезе в том смысле, в котором об этом говорится в современной эволюционной теории познания.

Авторитетность платоновского идеализма на протяжении длительного времени, наряду с неразвитостью естествознания (особенно биологии), явилась одной из существенных причин чрезвычайно позднего обращения эпистемологов к арсеналу эволюционно-биологических идей для исследования человеческого познания, его возникновения и развития. Если ряд подобных недостаточно зрелых обращений был сделан в XIX — начале XX в., то во второй половине XX в. стали формироваться вполне зрелые эволюционные концепции познания Поппера, Лоренца и др.

Второй важный вывод, который следует из анализа отношения платоновского идеализма и эволюционно-эпистемологических идей Лоренца, — это выявление исторических истоков самого идеализма. Такие истоки Лоренц обнаружил, как было видно, в возникновении человеческого сознания и самосознания (рефлексии), а также в антропоморфизации творчества. Причем если в платоновском идеализме подлинной реальностью наделялся мир идей, а природный, земной, мир считался всего лишь его отображением, то в материалистической по духу эволюционной теории познания, наоборот, подлинной реальностью обладал «посюсторонний» мир, природа, а духовный мир представлялся его образом, получаемым посредством «зеркала», его отображением.

При этом важным является то, что так называемое «зеркало» является частью природного мира. Это дает право говорить об адекватности получаемых с его помощью образов — идеального мира. Действительно, «зеркало», будучи частью внешнего мира, возникшей в процессе его эволюции, должно адекватно отображать этот мир.

Для того чтобы удостовериться в возможности получать адекватные образы, необходимо установить, способно ли это «зеркало» формировать их. Иначе говоря, необходимо, помимо понимания «включенности» «зеркала» в отображаемый им мир, исследовать это «зеркало», его «оборотную сторону». А такого рода исследование, включающее в себя изучение структуры и качества «познавательного аппарата», и представляет эволюционная теория познания, разработанная К. Лоренцем.

Эволюционный подход к познанию включает в качестве существенного момента своего самоопределения и способа обоснования своего статуса в комплексе современных наук о познании установление его отношения к идеализму в целом, к его платоновской модификации в частности.